

ОТ РЕДАКЦИИ

БОРИС МЕЖУЕВ

Главный редактор альманаха «Самопознание»

Примерно лет шестнадцать тому назад в знаменитой статье покойного политолога Сэмюэля Хантингтона «Одинокая сверхдержава» я прочитал поразившие меня строки. Хантингтон говорил, что союз России и Китая, которого так страшится Вашингтон, едва ли состоится, потому что Москва побоится стать «младшим партнером» Пекина. В 1999 году эта мысль, вполне тривиальная сегодня, казалась еще удивительной — во-первых, было очень трудно представить, что нацеленная на интеграцию в Европу Россия сможет неожиданно развернуться в сторону Азии, а, во-вторых, что нам придется в этом случае поступиться амбициями «белого человека» и согласиться на евразийскую гегемонию Китая. Сегодня, однако, сценарий Хантингтона является главной темой для обсуждения в экспертных кругах: может ли Россия окончательно сменить вектор своего развития и стать азиатской державой, понимая все сложные в культурном отношении последствия данного разворота.

Этой теме посвящен и четвертый выпуск альманаха «Самопознание», который называется «На перепутье. Новый исход к Востоку?». Его составлению предшествовала плодотворная дискуссия на сайте «Русская Idea», посвященная вопросу о том, можно ли найти ценностное сближение с Китаем и другими азиатскими странами, или же нас объединяют с ними только общие, экономические и геостратегические, интересы. В России самой популярной и фактически преобладающей внешнеполитической концепцией является по-

литический реализм, сторонники этой доктрины и являются сегодня главным защитниками российско-китайской сделки: в частности, председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике Федор Лукьянов в интервью нашему изданию, которое и открывает данный выпуск, авторитетно говорит о том, что никакая ценностная компонента не нужна для сближения с Пекином, поскольку китайцам, в принципе, все равно, каких ценностей придерживается Москва. И в этом, можно допустить, — их выгодное отличие от европейцев, которые в истории с санкциями пошли против собственной выгоды, поддавшись давлению Вашингтона. Ценности — это ведь не просто чистые идеи, это в первую очередь — инструменты элитной интеграции, наднациональной и даже зачастую — внеконфессиональной. Но после краха марксистского коммунистического проекта в России невозможно найти какое-то серьезное ценностное основание для объединения китайских и российских элит, помимо следования общим интересам своих стран.

Однако другие авторы альманаха, и в первую очередь, Василий Ванчугов, который описывает в своей статье интереснейший политико-управленческий проект Института Николааса Бергрюэна, доказывают, что сама концепция «мягкой силы», теперь столь модная на Западе, позволяет уйти от простой дихотомии «ценности» vs «интересы». Американские стратеги, обеспечившие в конце Холодной войны столь выгодный для них во всех отношениях союз с Китаем, были чисты-

ми «реалистами» — ни о какой ценностной интеграции с элитой коммунистической диктатуры они и не помышляли. Однако сегодня некоторые эксперты пытаются дополнить эту старую геоэкономическую связку, которую в свое время хотели даже назвать «Большой двойкой», некой разновидностью теории конвергенции — в данном случае политической: США и Западу в целом следует перенять что-то хорошее от китайской меритократии, а Китаю, соответственно, попытаться продвинуться в сторону западной демократической модели. Но если такая же концепция «конвергенции» может работать и в отношениях Москвы и Пекина, то это значит, что у философов, политических аналитиков, культурологов имеется свое поле для деятельности, и международные отношения не должны сводиться лишь к взаимным расчетам прибылей и убытков.

Может быть, нам, по совету философа Олега Кильдюшова, стоит присмотреться к особенностям китайской бюрократии, благо к качеству собственного чиновничества у нас есть серьезные претензии, может быть, как рекомендует историк и писатель Вячеслав Рыбаков, следует продумать, какие черты могла бы усвоить российская демократия от китайской идеократии в ситуации, когда вызову подвергается сама способность нации отстаивать свой независимый от Запада исторический путь? Но в первую очередь следует выслушать, что думают о России и ее духовном наследии наши азиатские коллеги — причем не только представители Китая, но также Индии, Японии и других стран дальнего Востока. Из интервью философов Чжана Байчунья (Китай) и Мотохару Тохомиро (Япония) мы с удивлением узнаем, насколько высоко ценится русское философское наследие на Востоке и, главное, что оно способно служить в том числе и объединяющим фактором для китайских и японских интеллектуалов.

Кто знает, может быть, Институты Бердяева по всему миру были бы лучшим ответом на ту экспансию «мягкой силы», которую ведут с Запада многочисленные институты продвижения демократии и Открытого общества, а с Востока — Институты Конфуция. А что современный мир может открыть в произведениях Бердяева? Я думаю, размышления о том, как индивиду остаться свободным при его включенности в некое «Общее дело» — ведь это фактически центральная проблема русского консерватизма и русской философской мысли в целом. И мы видим, что эта проблематика цепляет коллег с Востока больше, чем столь продуманный и интеллектуально изощренный западный индивидуалистический рационализм.

Кстати, если уж мы задумались о какой-то новой русской духовной миссии на Востоке, стоит немного погрузиться в историю прошлых христианских миссий: и поэтому, для иллюстрации главной темы, мы завершаем номер статьями отца Дионисия Поздняева и филолога, литературоведа Николая Котрелева о людях, пытавшихся нести Слово Божие в Азию. Одним из этих людей, как выясняется, был венецианский купец Марко Поло, который помимо географических и коммерческих интересов, пытался реализовать и геополитическую задачу — сделать империю монголов союзником в войне с наступающим на Средиземноморье исламом. В этом проекте видится что-то похожее тому, что мы пытаемся достичь сегодня.

Надеемся, что мы сможем продолжить важную дискуссию о России и Востоке на нашем сайте «Русская Idea» и в последующих выпусках «Самопознания».